

Она смеялась и одновременно не могла удержать слез. Цуй Се оставалось только уговаривать ее вернуться в усадьбу и там дать волю чувствам. Сам он поспешно попрощался с писцом Чжаном, попросив передать благодарность начальнику уезда Ци и добавить, что уже слишком поздно, поэтому в уездное управление он придет завтра.

Писец Чжан с улыбкой сложил руки в приветственном жесте:

— Молодому господину Цуй незачем быть настолько вежливым, ступайте со спокойной душой домой! Если увидите, что там нужно перестроить или починить, потом просто скажите нам!

Вернувшись домой, Цуй Се только со слов Пэн Яня узнал, что эту пожилую служанку зовут матушкой Чжан и она пользовалась большим доверием у госпожи Сун. Прежний хозяин тела жил в столичном доме в отдельном дворике, и она часто навещала его и приносила вещи.

Похоже, госпожа Сун и эта матушка сыграли немалую роль в том, что прежний владелец тела вообще дожил до того возраста, когда в него переместилась душа Цуй Се.

Однако он не знал, как именно прежний Цуй Се общался с ней, поэтому мог лишь мягко улыбнуться и успокоить ее:

— Матушка, не плачьте. Вернувшись, попросите дедушку и госпожу Сун больше обо мне не беспокоиться. Нынче я — добродетельный муж, отмеченный самой императорской милостью, к тому же часто бываю в уездном управлении. Я уже стал взрослым человеком.

Матушка Чжан утерла слезы и улыбнулась:

— Ох-ох-ох, наш Се уже совсем взрослый, сам может править домом! Не виделись всего несколько дней, а выглядит точь-в-точь как солидный муж, куда собраннее, чем раньше дома. Старый господин и старая госпожа передали тебе кое-какие вещи. Теперь, когда ты твердо встал на ноги, станички тоже смогут спать спокойно.

Она отослала Цуй Юаня с сыном постоять под навесом галереи, а сама открыла перед Цуй Юанем несколько сундуков.

Эти сундуки отличались от тех, что стояли у него дома: они были сработаны из отборного красного дерева и украшены искусной резьбой. Внутри лежали гладкие, яркие шелка, парча, изысканная вышивка, курильницы и безделушки. Кроме того, привезли несколько сундуков с бумагой, тушью и кистями, а также свитки с живописью и каллиграфией, которые не успели собрать при отъезде из столицы.

Надо же, прежний Цуй Се умел рисовать! Он учился у цзюйчжи Лу, которого нанимали два года назад, и умел писать лотосы в технике безконтурной живописи «мого», хотя мастерством особо не блистал.

Это оказалась поистине приятная неожиданность.

Одежды и безделушки прислали из дома, их нельзя заложить или продать, да и где они будут лежать — не так уж важно. А вот то, что прежний хозяин тела владел кистью, привело Цуй Се в настоящий восторг. Господин Линь был чистой воды книжником и подобным изящным искусствам обучен не был. Цуй Се думал, что ему придется долго искать предлог, чтобы проявить свои художественные навыки. Раз уж прежний владелец тела умел рисовать, теперь можно не прятаться от Цуй Юаня с сыном и открыто брать за кисть.

Если в будущем кто-нибудь из Цзиньивэй принесет ему вино, он нарисует бамбук и камни в стиле Чжэн Баньцяо и подпишет стихотворением «Вцепился крепко в утес зеленый», чтобы цянью Се видел: перед ним не неотесанный невежда.

Видя, с каким довольным видом Цуй Се рассматривает старые свитки, матушка Чжан не удержалась от вздоха:

— До чего же рассудительный ребенок! Да разве это главное? Вот что старая госпожа на самом деле хотела тебе передать, подойди-ка и посмотри получше.

Она достала со самого дна сундука с тканями сверток с серебром и развернула его перед Цуй Се: там лежали слитки по двадцать лянов, всего двести лянов. Затем бережно, словно младенца, перенесла к изголовью кровати комод для косметики из сандалового дерева с инкрустацией из перламутра и выдвинула ящички. На внутренней стороне крышки было вправлено бронзовое зеркало, отполированное до глади воды, а в нижних ящиках рядами лежали шпильки, кольца, украшения из золота, нефрита и драгоценных камней. При свете свечей они переливались чарующим блеском.

В самом нижнем ящике покоилось лишь несколько аккуратно сложенных листов тутовой бумаги.

Она подняла глаза на Цуй Се, и в ее помутневшем взгляде вспыхнул свет ярче любых самоцветов:

— Эти украшения — приданое твоей покойной матери. Когда твой отец женился снова, госпожа Сун забрала их себе и берегла специально для тебя. А эти купчие на самом дне спрячь как следует. Вот эти две — на этот старый дом и на лавку, что тоже была в приданом матери, а под ними — купчие на Цуй Юаня и его сына...

Сердце Цуй Се забилося чаще. Он осторожно вынул бумаги и развернул их:

На одной значилась купчая на этот двор, где указывались длина и ширина в саженьях-гунах, границы с четырех сторон, количество дворигов, главных комнат и флигелей. На другой — купчая на двухэтажную лавку, выходящую на Западную большую улицу, а за лавкой числился небольшой дворик, размером почти с их нынешнюю усадьбу. Остальные две бумаги были купчими на слуг — Цуй Юаня и его сына, с отпечатками пальцев и алыми печатями.

Все это теперь принадлежит ему?

Больше не нужно бояться, что дом в любой момент отберут Цуй Цюэ с женой. Не нужно опасаться, что Цуй Юаня с сыном разлучат из-за того, что права на них принадлежат другим. Эта усадьба действительно стала местом, где он может жить спокойно?

Он сжал в руках тонкие листы бумаги, и его лицо озарилось улыбкой более прекрасной, чем блеск всех сокровищ — улыбкой искренней радости и умиротворения.

=====

Матушка Чжан прожила в Цяньане еще два дня, помогая ему вести хозяйство.

Пока эти два дня они наводя порядок на холме у могилы, начальник уезда Ци уже прислал людей: стены дома заново побелили, под потолком натянули новый тканевый навес, а стены оклеили белоснежной тутовой бумагой. Оставалось лишь покрыть лаком опорные столбы и

крытые галереи во дворе, да заново вымостить пол серым кирпичом.

Матушка Чжан досуха высушила его комнату жаровнями, а Цуй Юаня с сыном переселила в восточный пристрой. Старый сосед напротив, плотник Юй, сам предложил сработать мебель, и матушка Чжан решила купить слугам новые кровати и обустроить их комнату. Письменный стол Цуй Се и сундуки с книгами перенесли в западный пристрой, где у стены поставили открытый книжный шкаф, похожий на этажерку для антиквариата. Так получился маленький, но изящный кабинет.

Показывая Цуй Се изменения в доме, она наставляла его:

— Се, ты не сердись, что я вмешиваюсь. Главный дом — это покои хозяина, разве гоже слугам жить там? Я знаю, ты боялся, что в нижних комнатах сыро и они простудятся, но жить в хозяйском доме им и самим не по себе.

Цуй Се понимал порядки этого мира, поэтому лишь кивнул:

— Когда мы только приехали, дом был совсем дряхлым, пришлось выбрать комнаты получше. Но когда мы останавливались на постоянных дворах, всегда спали отдельно.

Матушка Чжан с одобрением вымолвила:

— Вот и правильно, именно так и должен поступать молодой господин из благородного семейства.

Затем она приготовила для него пирожные из каштановой и лotosовой муки, сладкие дамплинг-цзяоцзы и слоеные лунные пряники, словно сотканные из снега. Уложив всё в подарочную коробку, она велела ему идти в уездное управление с благодарностью к начальнику уезда Ци.

Начальник уезда Ци не считал ремонт дома чем-то выдающимся. С улыбкой он произнес:

— Над твоими воротами висит табличка с каллиграфией самого Императора! Если дом будет ветхим, разве это не проявление неуважения к государю? В уездной казне из года в год откладывались деньги на подобное поощрение, столько лет лежали без дела. Теперь, когда появился ты, я с радостью пустил их в ход.

Середина восьмого месяца была горячей порой для уездных чиновников: нужно было срочно отправить летний налог в амбары, поставить фураж для лошадей на границу, а также отослать ремесленников на дежурство в столицу...

Начальнику уезда Ци было некогда вести долгие беседы. Он лишь строго велел Цуй Се пуще прежнего прилегать к учебе, пообещав при случае проверить, как тот заучил «Собрание сочинений шести господ». Засим он кликнул слугу-пажа:

— На днях нам прислали корзину янтао? Насыпь несколько штук для молодого господина Цуй.

Янтао? Карамболу завезли в Китай уже в эту эпоху? Цуй Се так изумился, что на миг усомнился, не попал ли он в альтернативную историческую линию.

Паж откликнулся и поспешно ушел, а вернулся с небольшой плетенкой. Но внутри лежала не желто-зеленая пятигранная карамбола, а плоды, покрытые пушком — обычное киви.

.....

Цуй Се молча уставился на киви. Паж решил, что гость просто сгорает от жадности, выудил один плод и сунул ему в руку, подсказав очистить прямо в рукаве:

— Это дикие янтао с гор Цинлун, сладкие-пресладкие! В столице таких спелых да мягких не купить. У крестьян на бумажных мануфактурах лозы янтао таких вкусных плодов не дают.

Точно! Сок лозы киви — один из важнейших растительных клеев при производстве бумаги сюаньчжи. Здесь делают тутовую бумагу, а при древнем способе бумагоделия обязательно использовали растительный сок, чтобы листы не слипались. Разумеется, они выращивают киви!

И все же, каким бы обильным ни был урожай, начальник уезда вовсе не обязан был дарить плоды именно ему. Цуй Се сжал мягкий плод киви и с чувством произнес:

— Ваше превосходительство загружены государственными делами, но находите время проявить такую заботу. Се растроган до глубины души.

Паж тоже вздохнул:

— И не говорите! В эти дни господин даже статьи писать не успевает. Хорошо хоть, что самая кутерьма только летом и осенью, когда собирают налоги. Вот сдадим летний налог, а зимой останется разве что дамба чинить да беженцев устраивать.

При этих словах на его бойком лице появилось выражение глубокой печали:

— И надо же было нашему господину так не повезти! Едва вступил в должность — и на тебе, невиданное за сто лет наводнение. А вот прежний начальник ушел как раз вовремя!

<http://bllate.org/book/18372/1761256>